

рассказ

Эдуард
Трускин

185

Вот уже 41-й год в Казани проходит Международный оперный фестиваль имени Фёдора Шаляпина. Я пел на многих из них, начиная с первого.

И уже 15 лет выступаю перед спектаклями фестиваля.

Вступительное слово – так это называется. Непременным условием удачного выступления является не только интересный для зрителя текст и поставленный голос, но и одежда.

И прежде всего – обувь.

Я выхожу на сцену в разных смокингах и пиджаках, иногда даже во фраке, меняю рубашки, бабочки и галстуки, чтобы заинтриговать публику. Но ботинки на мне одни и те же четверть века. Не потому, что я такой бережливый, а потому, что они приносят мне удачу. Так я считаю.

Недавно, завязывая шнурки ботинок перед выходом на сцену, я вспомнил историю о том, как они у меня появились. Началась эта история давно в южных морях...

Эдит и Вальтер

– НЕТ, о нет, она мне её не заметит! – так пылко, совсем по-юношески, по-вертерски, я бы сказал, воскликнул Вальтер, схватив меня за руку.

Вальтеру было семьдесят шесть лет, мы стояли на пороге супружеской спальни, где два года назад умерла его обожаемая Мария-Лиза.

«Она» – так он назвал свою теперешнюю подругу. Эдит была моложе

Вальтера всего на три года, но между ними была существенная разница – она никогда не была замужем.

Вальтер помолчал немного, сказал:

– Прошу прощения! – и повёл меня дальше – осматривать свой дом, стоящий на взгорке перед огромным альпийским лугом.

Этот дом ничуть не походил на знаменитый зелёный дом, изображённый

на полотне Василия Кандинского. Но расположен он был в том же месте – городке Мурнау у подножья Альп. Из окон дома Вальтера открывался вид на сияющие горы – до них было семь километров благоухающего, жужжащего пчёлами и шмелями разнотравья.

Мы прошли в библиотеку – там, среди полок с книгами, была и отдельная, отданная русской литературе.

Вальтер взял с полки том Достоевского – «Братья Карамазовы», – раскрыл его и стал медленно читать по-русски с баварским акцентом:

– Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода... Много плода, – повторил Вальтер и смущённо улыбнулся.

Он не умел говорить по-русски, но понимал всё, что читал, да и каждое произнесённое слово было чётко, даже с правильным ударением, обозначенным, правда, в тексте специально для иностранцев, изучающих русский.

Я поаплодировал ему:

– Bravo, Вальтер!

Вальтер когда-то преподавал в гимназии английский язык, на нём мы разговаривали, поскольку немецкий я знал плохо. Временами мой друг просил повторить сказанную фразу по-русски и внимательно вслушивался, шевелил губами, встряхивал довольно головой и продолжал говорить на английском.

Из библиотеки мы спустились по деревянной изогнутой лестнице на первый этаж – в большой зал с высоким, под самую крышу, потолком, зеркально-чёрным островком концертного рояля, просторными диванами в турецком стиле. Сквозь стеклянную стену лился майский закат, горы отливали розовым, а широкий луг менял цвет от порывов ветерка и переливался оттенками зелени и бирюзы, словно южное море Фиджи, где я встретился впервые с Эдит и Вальтером.

В то время моя жизнь напоминала приключенческий роман с постоянно меняющимися действующими лицами

и координатами – я работал на океанских круизных лайнерах певцом.

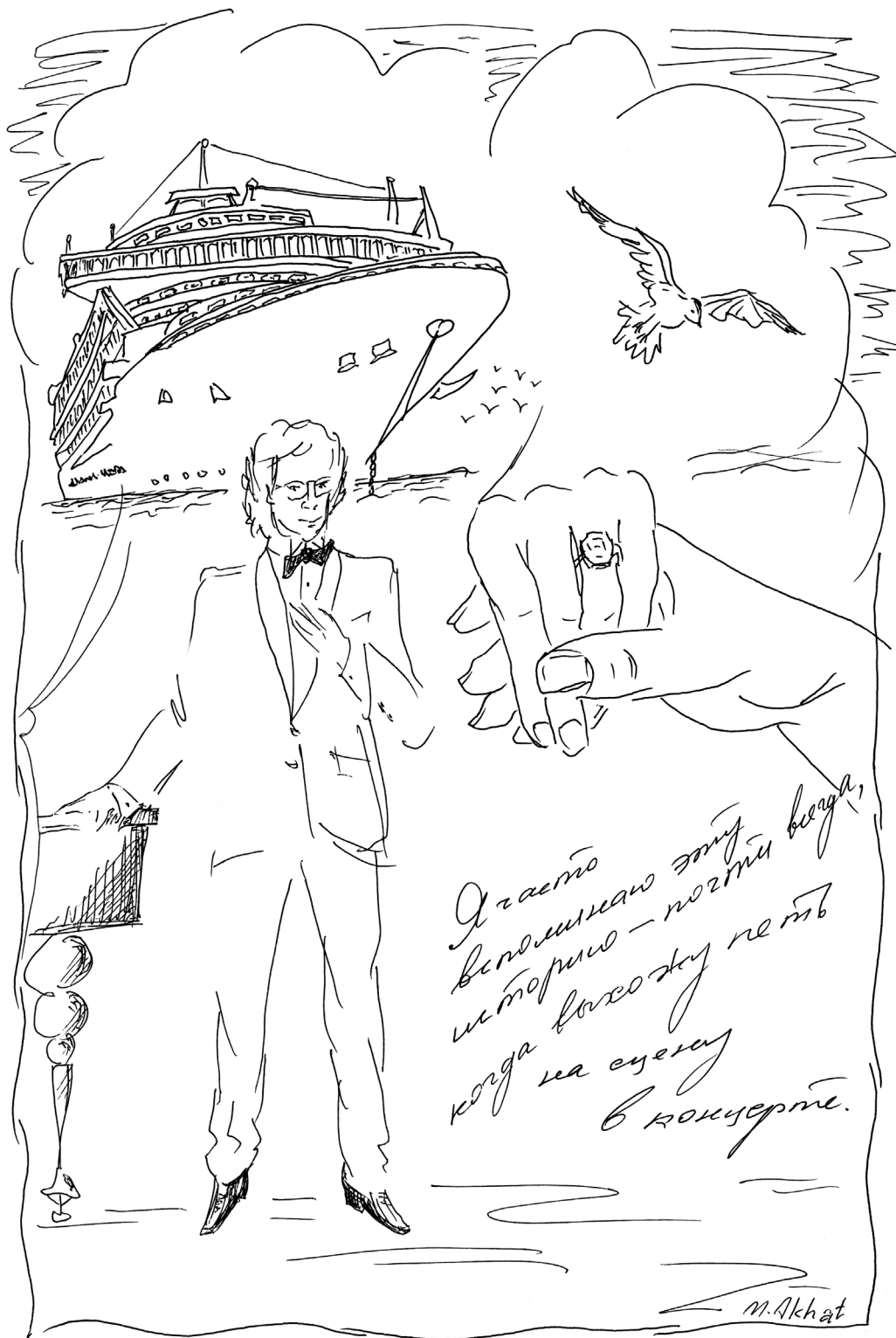
Собственно, вначале я познакомился с Эдит – Вальтера на борту ещё не было. Эдит подошла ко мне после концерта и пригласила на коктейль в Капитанский клуб.

– Меня зовут Эдит Майер, – сказала она. – Я восхищена вашим голосом. О, поверьте, я понимаю толк в настоящих голосах – мой отец был скрипачом в Баварской опере, и я выросла в театре. Да я и сама люблю музицировать и петь немецкие *Lied*. Шуберт, Шуман – это моё любимое. Но у вас оперный голос – как вы оказались на борту «Астора»?

– Да как-то само собою сложилось, Эдит. В первый раз я заменил заболевшего приятеля, тоже оперного певца. Потом круизная компания пригласила в американский круиз на целый месяц. Мне это показалось заманчивым – Монреаль, Бостон, Нью-Йорк, Новый Орлеан. И знаете, Эдит, меня увлекло это занятие.

– А как же опера?! – воскликнула Эдит, всплеснув руками. – Это же великое искусство, ваш голос просто создан для оперы!

– Ах, Эдит, опера, на мой взгляд, давно уже не то великое искусство, как прежде, в золотой оперный век. Порою мне кажется, что я вообще ненавижу оперу. Да и потом я вовсе не расстаюсь с театром. У меня есть контракты: пою не так часто, как раньше, но и не так уж редко – два-три спектакля в месяц. Рассчитываю свободное время и лечу, куда пригласят – в Бремен, Ниццу, Гамбург, Геную, Барселону – туда, откуда начинается круиз на каком-нибудь из судов компании. Моя должность так и называется *Flying artist*, летающий артист. Две-три недели – и я улетаю обратно, чтобы петь в опере. Вот такая сумасшедшая жизнь – но она мне нравится, я чувствую себя свободным и счастливым. Начитался в детстве романов о приключениях и морских путешествиях, знаете ли.

Я гасю
 великую эту
 историю — почти всегда,
 когда вхожу не то
 на сцену
 в концерт.

M. Akhat

Меж тем нам принесли коктейли – шампань-коблер для Эдит и дайкири для меня.

Эдит принялась рассказывать о себе. Родилась она в начале 30-х прошлого века в Мюнхене, а сейчас живёт в Нюрнберге. О да, она помнит и гитлерюгенд, и войну, эти ужасные бомбёжки... Только вспоминать это Эдит не любит. Зачем, когда есть Шуберт и Шуман? Слава богу, у неё хорошая пенсия – она ведь работала с юных лет. А потом училась и снова работала – преподавала в гимназии английский язык. Как и её *ein herzlicher Freund* – сердечный друг Вальтер, который прилетит в Сидней завтра, чтобы быть возле неё и вместе путешествовать.

– Мы с ним ещё не вполне вместе, – сказала Эдит несколько смущённо, – поэтому договорились, что плывём вместе до Коломбо, и, если всё будет хорошо, то продолжаем наше совместное путешествие до конца круиза – до Венеции. Ну, а если не всё сложится в наших отношениях, то Вальтер из Коломбо улетит к себе в Баварию.

– А вы давно знакомы с Вальтером? – спросил я.

– О, всю жизнь! – горячо воскликнула Эдит. – Мне кажется иногда, что я знала его ещё до своего появления на свет. Вокруг Вальтера всегда был какой-то ореол – я не замечала ни разбомблённых домов, ни этой ужасной послевоенной бедности – только его сияющее лицо. Мы... как это говорится... *füreinander geschaffen* – созданы друг для друга.

И Эдит зарделась, как майская роза, а я внезапно подумал о том, что, если бы Шекспир прожил подольше, то, возможно, написал бы о любви Ромео и Джульетты в старости.

Впрочем, у меня не повернулся бы язык назвать Эдит старушкой – она и впрямь походила на розу, только искусственную, аккуратную, лепесток к лепестку, и источающую аромат сухих

духов. У Эдит был точёный профиль, красивые фарфоровые зубы, а походка её ещё была легка, несмотря на то, что ей за семьдесят.

Вскоре Эдит поведала о том, что безумно любит Вальтера с молодых лет, что у них были... как это сказать деликатней... *informelle romantische Beziehung* – неформальные романтические отношения.

– Вы увидите его завтра и всё поймёте – это просто Зигфрид!

Но в молодости у них не сложилось – Вальтер женился перед тем, как встретил её, Эдит, и как порядочный, даже слишком порядочный, человек не оставил жену ради любви. А вот она, Эдит, не смогла выйти замуж, потому что образ Вальтера затмевал всех мужчин. Жена Вальтера умерла два года назад – и теперь они решили начать жизнь сначала, если получится.

– Мы живём с Вальтером недалеко друг от друга – всего два часа на машине, – сказала Эдит. – В любом случае мы останемся друзьями. Но, откровенно говоря, я бы хотела жить подле Вальтера. Надо же попробовать, каково это – быть рядом с любимым мужчиной всегда.

Мы посидели в баре минут сорок, выпили ещё по одному коктейлю.

Я рассказал Эдит о том, что, если говорить об элитарности, то артистическую жизнь на круизных лайнерах можно назвать более рафинированной, чем опера – хотя бы по более узкому кругу исполнителей.

– Судите сами, Эдит, – в мире существуют сотни оперных театров, театриков и антреприз, в которых заняты десятки тысяч профессионалов: солисты, артисты хора, балета, оркестра, художники, дирижёры, режиссёры, обслуживающий персонал. Это огромная музыкальная индустрия, охватывающая все цивилизованные страны.

– Да, это понятно.

– А круизных лайнеров, на которых существует *ENTERTAINMENT*, улаживающий почтенную публику в океане, всего три-четыре сотни, и артистов на них относительно мало. Причём, заметьте, это практически всегда артисты высокого профессионального уровня: джазмены, солисты, короли свинга, мастера фортепианной импровизации, виртуозы – скрипачи, трубачи, кларнетисты, арфисты... Фокусники и танцоры, конферансье, говорящие на разных языках. Их значительно меньше, чем тех, кто причастен к опере. И они незаметны – кочуют с корабля на корабль, меняя моря и океаны, чтобы ублажать беспрерывно меняющееся население этой плавающей страны.

– Как интересно! – удивилась Эдит. – Я никогда не задумывалась над этим. Действительно, в тот момент, когда мы с вами пьём коктейль, в морях и океанах то же самое делают, наверное, тысячи людей.

– Миллион, Эдит, миллион пассажиров одновременно находится в море. Или около того.

– Вы меня просто озадачили, Эдвард. Наверное, придётся принять снотворное, чтобы выспаться и встретить завтра Вальтера свежей.

И Эдит пошла спать, а я направился в казино – посмотреть, как крутится рулетка.

Рано утром мы пришли в Сидней, и уже за ланчем Эдит представила мне своего друга Вальтера Риделя. Он оказался похож на знаменитого киноактёра Берта Ланкастера на закате его карьеры – внушительная стать, волнистые седые волосы и доброжелательный взгляд по-молодому ярких голубых глаз.

Оказалось, что он пианист-любитель – так же, как и Эдит, впрочем.

– У меня в Мурнау прекрасный концертный «Стейнвей» – я играю по вечерам Бетховена и Брамса и улетаю

душой в страну, которой нет на карте, – так поэтически приподнято сказал Вальтер.

После ланча Вальтер и Эдит уехали на экскурсию, а я отправился бродить по городу в надежде увидеть знаменитый оперный театр, состоящий из сплошных парусов.

На следующий день «Астор» отчалил от сиднейского пирса и направился на север – в другие австралийские города, а затем в Новую Гвинею, Индонезию, Филиппины, Японию, Китай...

На протяжении всего круиза мы много раз общались с Эдит и Вальтером. Он оказался превосходным шахматистом, и мы, бывало, часами просиживали за шахматной доской, пока «Астор» нёс нас вперёд по океанскому простору.

Когда мы оставались наедине с Эдит, она тихонько жаловалась на Вальтера:

– Он всё время спит, представляете себе, Эдвард?

– Ну как же всё время, Эдит? – удивлялся я. – Мы играем с ним в шахматы, вы вместе ездите на экскурсии во время стоянок в портах городов, ходите на мои выступления...

– Да, – сокрушённо кивала головой Эдит, – всё так, но в остальное время он спит в каюте. Мы почти не разговариваем с Вальтером наедине – я начинаю ему что-нибудь рассказывать, а он уже, знай себе, похрапывает. А вообще, как он вам? Только откровенно скажите.

– По-моему, настоящий джентльмен – красивый, благородный.

– Я же говорила вам – Зигфрид, чистый Зигфрид! Ах, если бы мы с ним сошлись пораньше, в молодости, уж я бы ему спать не дала! Так нет же – польстил на эту свою набожную Марию-Лизу. Ну, что делать. Се ля ви!

Дни шли за днями, вот уже и Китай с Японией, и Сингапур с Малайзией миновали, и Вьетнам с Бирмой остались позади. Под килем нашего ковчега шла

тайная жизнь рыб и морских чудовищ, а в каютах и чреве корабля протекала своя неустанная жизнь, порою весьма таинственная. Огромный «Астор» величаво рассекал океанские волны, сиял огнями окон и иллюминаторов, за которыми рутинная оборачивалась сказкой, а случайная встреча судьбой. И за одним из этих окон зрела – а, может быть, гибла – любовь двух немецких старичков Эдит и Вальтера.

В Коломбо я целый день провёл в огромном парке, с интересом наблюдая за летучими собаками и огромными воронами, жившими на соседнем с ними дереве, дивясь тому обстоятельству, что эти птицы и крылатые млекопитающие никогда не ссорятся между собой. Так сказал темнолицый тамил, служитель парка.

Вернувшись в порт, я увидел на пирсе возле одной из палаток, где торгуют жемчугом и драгоценными цейлонскими камнями, счастливую пару – Эдит и Вальтера. Эдит примеряла кольцо с огромным синим сапфиром – королём камней Шри-Ланки.

– Вот, Эдвард, Вальтер подарил мне это кольцо в честь того, что мы едем вместе до Венеции.

Эдит торжествовала – на её щеках полыхал смуглый румянец, и я только сейчас заметил, как она помолодела и похорошела за эти несколько недель плавания.

Мы вместе поднялись на борт «Астора», сели за столик на палубе возле бассейна и смотрели под звуки джаза, как удаляется, сливаясь с небом, остров, который Чехов считал земным раем.

Потекли дни путешествия со смелой цвета океана от индигового к бирюзовому, с остановками в шумных портах Индии, Омана, Йемена, Иордании, затем мы вошли в длинный и скучный Суэцкий канал, где единственным развлечением была встреча с американским авианосцем. Крепкие матросы разми-

нались на воздухе – кто упражнялся с гантелями, а кто-то отрабатывал приёмы карате. И только боевые самолёты грозно и неподвижно стояли на широченной палубе, меж тем как авианосец медленно шёл по мутным водам канала.

Почти каждый день мы виделись с Эдит и Вальтером. Однажды она попросила меня сопровождать её в салоне, когда там никого не было. Эдит пела романсы Шумана из цикла «Любовь и жизнь женщины». Щёки её пылали, а голос по-молодому звенел, хотя пела она, конечно, по-любительски неровно.

– Знаете, Эдвард, – сказала мне Эдит после того, как мы закончили репетицию, – я уверена: вы сыграли большую роль в развитии наших с Вальтером отношений. Вы и ваш голос. Вальтер сказал мне, что ваше пение его волнует, видимо, это правда, так как после ваших концертов он бывал особенно нежен со мной.

Через три недели мы пришли в Венецию, распрощались, предварительно обменявшись телефонами, адресами и непременно обещанием увидеться вновь. И разъехались – Эдит с Вальтером направились в аэропорт Марко Поло. А я сел в машину приехавшего за мной артистического агента и поехал к себе в Прагу.

Прошло два месяца после *Welt Reise* – мирового круиза. Я пел в опере Риголетто, какие-то концерты и, признаюсь, подзабыл в череде событий о своей дружбе с парой милых стариков из Германии.

Но однажды у меня раздался телефонный звонок – звонила Эдит из Нюрнберга:

– Дорогой Эдвард, надеюсь, вы не забыли своё обещание навестить нас с Вальтером? У нас – о, да! – всё замечательно, и мы хотели бы повидаться с вами и вспомнить увлекательное путешествие, в котором окрепла наша лю-

бовь. Умоляю вас – приезжайте! Сначала ко мне в Нюрнберг, а потом вместе поедем к Вальтеру в Мурнау.

В течение ближайшей недели у меня ничего не было в театре, да и концертная жизнь временно замерла. И я решил съездить к моим приятелям, тем более, что до Нюрнберга от Праги шёл прямой поезд.

Эдит встретила меня на вокзале. Мы сели в её просторный фиат и поехали на экскурсию по городу.

– Нюрнберг был почти полностью разрушен американской авиацией, – как бы извиняясь, сказала Эдит. – Всё отстроено заново, но не всё сохранено так, как было до войны.

Я полюбовался замком Кайзербург на высокой скале из песчаника, побродили мы по средневековым улицам, осмотрели готические храмы, дом Альбрехта Дюрера, увидели запущенное поле «Цеппелин», по которому когда-то маршировали нацисты на своих съездах – по сто человек в ряд, безупречно-механически печатая шаг. Доехали мы и до тяжёлого мрачного здания, где проходил Нюрнбергский процесс. Никаких чувств эти сооружения у меня не вызвали. Да и вообще – в сравнении с Прагой город этот показался мне скучноватым.

Восхитительным оказался жареный карп в ресторанчике у озера, где мы пообедали. Рыба состояла из одного аппетитного хруста, вкуса и аромата. Даже кости оказались съедобными.

Дом Эдит располагался на окраине города – среди высоких сосен. Издали был он похож на пряничный домик из сказки «Гензель и Гретель». А вблизи оказался вполне современной постройки фахверковым коттеджем с мансардой наверху – сходство с пряничным домиком придавал шоколадный цвет балок, украшавших фасад. При доме был небольшой сад с крохотным прудиком, где плавали крохотные же зо-

лотые рыбки. А внутри дом оказался просторным – с большим залом, в центре которого царил белый рояль. Я тут же его опробовал – это был прекрасный, хорошо настроенный «Стейнвей». Эдит показала мне дом, мансарду, где предстояло ночевать мне. Возле входа в гостиную на белой стене висела фотография Эдит в молодости. Юная Эдит была очень хороша собой – её профиль вполне соответствовал гордому характеру красавицы Брунгильды – валькирии, дочери самого бога Вотана.

Потом мы стали музицировать – как и положено в интеллигентном немецком доме. Эдит пела «*Panis Angelicus*» Цезаря Франка, как вдруг её маленький хрустальный голосок закрипел и прервался. Эдит испуганно взглянула на меня и начала фразу снова:

– «*Paupere-er, pauper servus et humilis! Pa...!*»

И снова голос прервался. И тут Эдит заплакала...

– Я потеряла мой голос... Это, наверное, из-за возраста – мне уже исполнилось семьдесят три...

– Ну, что вы, Эдит! Это бывает с певцами в любом возрасте – просто сухость возникла. Мы сегодня целый день ездили по городу – вот вам и результат.

– Правда? Вы так думаете, Эдвард? Ах, я вам верю, верю... Хочу верить...

Утром, едва мы позавтракали, раздался гудок автомобиля прямо у входной двери – это приехал Вальтер.

Он вошёл – загорелый, моложавый, в сером дорожном костюме.

Эдит кинулась к нему и, привстав на цыпочки, поцеловала в щёку. «Фауст вернулся из дальних странствий к своей Гретхен, заждавшейся своего возлюбленного», – пронеслось у меня в голове.

Мы обнялись как старые друзья. Вальтер сел к столу, выпил кофе с молоком, съел рогалик с джемом, громко сказал «Зер гут!» и стал поторапливать

нас в дорогу – пока не возникли «штау» – пробки.

Вид у Вальтера был спортивный, и я подумал: «Наверняка, он ездит либо на БМВ, либо, в крайнем случае, на мерседесе». Так оно и оказалось: мощный Мерседес-500 понёс нас по гладкому шоссе в гости к Вальтеру – в загадочный город Мурнау.

По дороге Вальтер увлечённо рассказывал мне о том, что вот-вот, покинув Франконию, мы окажемся в сердце Баварии, увидим те места, которые вдохновляли Рихарда Вагнера, когда он гостил у своего младшего друга и покровителя – короля Людвига Второго Безумного. И, конечно, увидим несравненный замок Нойшванштайн, рождённый мечтами и фантазиями безумного короля, начитавшегося в детстве сказок Андерсена до такой степени, что превратился, скорее, в персонаж из произведений великого датчанина, нежели в реального властелина и политика.

У рояля в доме Вальтера вид был ещё более царственный, чем у рояля Эдит – чёрный концертный колосс под восьмиметровой высоты потолком. Сидя за этим инструментом, можно было окинуть взглядом всю сверкающую подкову Альп и цветущий луг сквозь огромное панорамное стекло. Вальтер продемонстрировал звук рояля, вдохновенно исполнив первую часть Бетховенской «Аппассионаты».

Затем мы поехали в ближайший ресторан, и там за ланчем Вальтер изложил свой последовательный план моего знакомства с чудесной Баварией.

После обильного ланча, который для меня был подобен обеду, мы вернулись в дом Вальтера. Мне отвели уютную комнату с видом на Мурнау. Я поспал часа полтора, спустился вниз и через стеклянную дверь вышел во двор дома. Альпийский луг начинался в полусотне метров. Было тепло, лёгкий ветерок, пролетая над лугом, всё так же менял его цвет. В душистом разно-

травье шла своя жизнь – гудели шмели, возились жуки и тонко звенели горные цикады. Я сел на землю и стал смотреть на далёкую дорогу в Альпах, на вспыхивающие стёкла автомобилей. С роко-чущим шумом быстро пролетел истребитель. «НАТО, – подумал я. – Рядом со шмелями и жуками металлический грозно-красивый монстр. А они возьмётся и жужжат – и нет им до него дела, как и ему до них, и до меня, и до всех, кто живёт в месте, где жил когда-то и великий художник Василий Кандинский, подаривший миру абстракционизм. С тех пор мир только и делает, что всё больше превращается в абстракцию».

Так я размышлял, сидя на почти горячем лугу, пока не раздался резкий крик со двора одного из соседних домов. Я вздрогнул, а потом сообразил, что это крик павлина.

Как объяснил мне Вальтер, когда я вернулся в дом, это, да, павлин – у соседа целая павлинья ферма.

Вечером мы музицировали втроём у рояля в высокой гостиной. Вальтер играл своего любимого Бетховена, я пел неаполитанские и русские песни, а Эдит мне тихонько подпевала, не рискуя петь соло.

Потом мы втроём сидели на кухне, пили красное вино, и Вальтер рассудительно объяснял, каким образом Гитлер пришёл к власти:

– Германия была унижена Версальским договором после Первой мировой и должна была выплачивать репарации странам Антанты в течение многих десятилетий, вы только представьте! – Вальтер поднял стакан с вином и посмотрел сквозь него на лампу. – Ну а Гитлер сказал немцам, что они ничего не должны плутократам, что он освобождает нацию, начал строить имперские дороги, ликвидировал безработицу, рождаемость выросла в полтора раза. Так он сразу стал своим. Ну а что из этого вышло, вы знаете не хуже меня.

– Из этого вышел я.

Эдит и Вальтер удивлённо взглянули на меня.

– Я – дитя войны, мои родители встретились в Казани в 1942-м. Потом мой будущий отец ушёл на фронт, а моя будущая мама его дождалась – всё очень просто.

Вальтер нахмурился, закричал и стал что-то усиленно вспоминать, потирая лоб пальцами. Потом он резво сбежал на второй этаж и вернулся со словарём русских пословиц.

– *Gefunden!* – Вальтер указал пальцем на строчку в книге.

– Кому война, а кому мать родна, – прочитал я. – Точно, Вальтер.

Спать легли рано – выезжать договорились утром. Следующий день слился в калейдоскоп впечатлений: дорога, петляющая по горным серпантинам с остановками в самых живописных местах Баварии, Гармиш-Партенкирхен с его домами, расписанными фресками, и домом Рихарда Штрауса, гора Цугшпитце и прозрачно-зелёное озеро Айбзее, замки, горные леса и снова озёра.

Обедали мы уже в Австрии – Вальтеру хотелось за один день показать всё, до чего можно добраться на его любимом мерседесе. По дороге он, патриот Баварии, рассказывал о немецких композиторах: по его словам выходило, что все они так или иначе связаны с Баварией, где музыка обрушивается на вас отовсюду – с вершин елей и буков, скал, водопадов и облаков, цепляющихся за вершины гор. Не говоря уже о Вагнере с его «Нюрнбергскими мейстерзингерами».

– Ну, а Моцарт как же? – поддел я Вальтера. – Он ведь австриец из Зальцбурга.

– Ах, Эдвард! – воскликнул Вальтер и слегка нажал на газ. – Да, в Зальцбурге он родился. Но род-то его идёт из Аугсбурга – а это самая что ни на есть

Бавария. Сегодня вечером я поиграю для тебя Моцарта. И ты после этого и после нашей поездки поймёшь, что Моцарт – истинный баварец.

Но вернулись мы слишком поздно, так что Моцарт не звучал в доме. У Эдит разболелась голова после езды по горным дорогам, и она ушла наверх спать.

Ну а мы с Вальтером ещё долго сидели на кухне, пили вино и разговаривали о музыке и о любви.

– Ты не поверишь, Эдвард, – говорил захмелевший Вальтер, – у нас с ней (он кивал наверх, куда удалилась Эдит) всё хорошо: мы понимаем друг друга, оба работали учителями в школе, правда, я был директором гимназии к концу карьеры, а она только преподавала. Оба любим музыку, просто жить без неё не можем, оба – баварцы, а это ведь особенная нация, весёлая.

Он отхлебнул из стакана и, понизив голос, сказал:

– Может быть, тебе, молодому человеку, покажется это странным, но у нас и гм... в интимной жизни всё складывается на удивление хорошо. Но одна вещь меня очень смущает: это то, что я – католик, а она – лютеранка. И в этом – главное наше разногласие. Серьёзнейшее для того, чтобы быть вместе навсегда. Об этом я думаю постоянно. И мы даже ссоримся из-за этого.

– Но вы же оба христиане, – сказал я. – Христос един для вас.

– Так-то оно так, – поморщился Вальтер, – но дело не в Боге. А в отношении к нему. Представь себе, у них, лютеран, нет даже обязательной исповеди перед священником. Они, видите ли, сами исповедуются перед собой. И за усопших они не молятся, и святых не почитают. Но самое ужасное, на мой взгляд, то, что они говорят: Господь-де только сотворил нас и предоставил самим строить жизнь по его заветам. Это же означает – он их предоставил самим

себе, то есть оставил до Страшного суда. Нет и ещё раз нет! Господь всегда с нами!

Вальтер встал из-за стола и направился в подвал за очередной бутылкой красного баварского вина с весёлым венским именем *Fledermaus*.

Прошло полгода после этой замечательной поездки в Баварию к Эдит и Вальтеру. Я частенько вспоминал милых старичков, их нежные отношения, горные альпийские дороги, совместное музицирование и больше всего удивлялся тому, как можно ссориться из-за таких пустяков, как конфессиональные особенности.

Перед Рождеством я позвонил Эдит и поздравил с праздником.

– О, спасибо, дорогой Эдвард! – пропела в трубку Эдит. – Я только что собиралась сама позвонить тебе, чтобы поздравить: «*Happy Merry Christmas!*» Я, конечно, знаю, что у вас, ортодоксов, этот день отмечается позже – это так странно, ведь Новый год мы празднуем одновременно.

– У нас, Эдит, есть про запас ещё один Новый год. Мы его называем Старый.

– О, вас, русских, трудно понять! Во всяком случае, Рождество – это то, что нас объединяет с Вальтером. У лютеран и католиков оно, к счастью, совпадает.

– Как Вальтер, Эдит?

– Вальтер уехал к своей старшей дочери на Мальорку. Представь себе, её семья страшно разбогатела – зять стал боссом крупной фирмы. Вот Вальтер и возлюбил их до такой степени, что будет встречать нынешнее Рождество с ними, а не со мной.

В голосе Эдит явно звучали слёзы. Я замолчал, не зная, что сказать.

– Ах, Эдвард, но всё это не так интересно в сравнении с тем, что я тебе расскажу – я ездила в Рим и получила аудиенцию у самого Папы, получила

его благословение. Правда, я была не одна, нас было много в зале, но я ощущала, что он говорит лично со мной. Мы вместе пели «*Pater noster*» – и на меня сошло откровение...

– Откровение? Какое же, Эдит?

– Я поняла, что Папа – просто человек. Очень хороший, но человек, а никакой не наместник Бога на земле.

– А что сказал на это Вальтер?

– Вальтер завёл свою постоянную песню о том, что Бог всегда с нами, а Папа – викарий Иисуса Христа. И ещё что-то стал говорить из Священных Преданий. Я ответила, что не признаю никаких преданий, верую лишь Священному Писанию – и ничему больше.

– Так вы снова поссорились, Эдит... Мне очень жаль...

– Обычное дело, Эдвард, обычное дело. С католиками оно всегда так...

Мы поговорили ещё немного – я рассказал Эдит о том, что пою сейчас «Библейские песни» Дворжака. Эдит оживилась.

– Дворжак – мой любимый композитор. Когда-то в молодости я даже пела арию Русалки – «Месяц на небе». А знаешь, мне пришла в голову интересная идея. Я договорюсь с нашим обществом любителей классической музыки в Нюрнберге – и летом мы устроим твой концерт где-нибудь на открытом воздухе. А потом я покажу тебе нашу Франконию – у нас такие роскошные густые леса...

Словом, мы договорились, что я позвоню в мае – и мы всё обсудим в деталях.

И ещё полгода пролетело. Я рассказал жене о том, как странно складываются отношения двух любящих людей, как между ними стоят религиозные условности, как грустно сознавать, что схоластика до сих пор владеет умами людей...

– Я думаю, у них всё наладится, – сказала жена. – Подумаешь, проблема:

исповедоваться или не исповедоваться. Они ведь любят друг друга, так? Пусть друг другу и исповедуются.

– Верно, – сказал я. – Но вот не могут разобраться, с кем из них Бог.

– Бог – это любовь, – сказала жена, – правда ведь?

– Правда, – сказал я.

В мае я позвонил Эдит снова, чтобы договориться о сроках концерта, в котором я непременно буду петь «Библейские песни». Голос у Эдит был блёклый – как будто у неё сильно болело горло.

– С кем я говорю? Эдвард?.. Простите, а что вы хотели мне сказать?

– Эдит, это я, Эдвард из Праги. Друг ваш и Вальтера. Я звоню по поводу концерта... мы договаривались...

– Ах да... Эдвард... простите, у меня плохо с памятью... Вальтер... да... Мы с ним расстались – он сказал, что не может быть рядом с женщиной, которую Бог предоставил самой себе. Извините... у меня очень кружится голова.

В трубке раздались короткие гудки.

Так закончилась эта чудесная история моей неожиданной дружбы с Эдит

и Вальтером. И я так и не узнал – отчего расстались два любящих друг друга человека. То ли оттого, что два христианина не смогли преодолеть косных условностей. То ли оттого, что Вальтер так и не смог забыть свою Марию-Лизу, жену, с которой Бог был всегда рядом.

Я часто вспоминаю эту историю – почти всегда, когда выхожу петь на сцену в концерте. Ведь на мне – те самые концертные туфли, которые когда-то мне подарила Эдит.

Мы бродили по торговому центру – и туфли на высоком каблуке, сиявшие лаком на витринной полке, настолько очаровали Эдит, что она почти силой заставила меня принять их в подарок. Я принял из вежливости – они были слегка великоваты. Так они и стояли у меня в шкафу несколько лет. А потом я всё же решил надевать их на концертах. И, странное дело, со временем они стали мне абсолютно впору, эти прекрасные туфли из славного города Нюрнберга, подаренные мне Эдит, чей профиль так напоминал красавицу Брунгильду из оперы «Зигфрид» Рихарда Вагнера – сердечного друга баварского короля Людвига Безумного.

